

«КАРАВАННЫЙ БУНТ»

В. Свирская

Среди большого числа крестьянских волнений, сопровождавших проведение реформы 1861 г., лишь немногие, подобно событиям в Кандеевке или в Безде, нашли подробное освещение в исторической литературе. Между тем очень важно уточнить типические черты разнообразных форм протеста крестьян против крепостнической реформы. Сравнительно мало известное дело ильинских коми-пермяков, сохранившееся в областном архиве гор. Молотова (б. Пермь)¹, представляет с этой стороны значительный интерес.

Ильвенские коми-пермяки, жившие на правом притоке Камы — реке Ильве — в Соликамском уезде, Пермской губернии, были в основном крепостными графов Строгановых. В конце 50-х годов XIX в. в Ильвенском округе имения Строгановых насчитывалось около 33 тыс. пермяков обоего пола. Всего в России в то время было 59 тыс. пермяков².

Крупнейшие феодалы Прикамья, Строгановы к началу XVIII в. превратили пожалованные им Иваном IV огромные государственные земли, связанные некогда обязательством обороны восточных границ, в свою наследственную родовую вотчину. В середине XVIII в. часть этой вотчины перешла в другие руки, но одна треть её, принадлежавшая барону Сергею Григорьевичу Строганову, сыну известного промышленника петрозской епископ, уцелела от дробления. Накануне реформы 1861 г. владелицей имения (превращённого, по решению Сената 1817 г., в майорат) была Наталья Павловна Строганова вместе с мужем, Сергеем Григорьевичем Строгановым, бывшим попечителем Московского университета, председателем Археологического общества³. Строганова не жила в пермском имении и почти никогда не бывала там. Имением управля-

ли из Петербурга, а главная местная администрация находилась в селе Ильинском.

Пермский майорат, занимавший 1446 тыс. десятин в нескольких уездах Пермской губернии, в 1858 г. имел 167 230 душ обоего пола. Майорат делился на шесть округов. В состав его входил и Ильвенский округ, включавший 748 поселений (7 сёл и много деревень и починок, сплошь населённых коми-пермяками)⁴.

Хорошо поставленное крепостническое хозяйство имения, главным образом заводы и соляные промыслы, приносило большой доход. На территории имения были расположены Билимбаевский чугуноплавильный Добрянский и Очерский железодельные заводы, построенные в XVIII в., в период промышленного подъёма Урала, Павловский катальный, построенный в 1817 г., и Кувинский (1856) чугуноплавильный заводы. Имению принадлежали старинные Ленвенские и частично Ново-Усольские соляные промыслы — часть соляного богатства, которым некогда владели Строгановы.

Заводы Строгановых и соседних промышленников в Поже и в Майкоре создавали экономическое оживление в крае, широкий рынок сельскохозяйственных продуктов поглотил рожь, овёс, льняное и конопляное семя, рогатый скот. Сбыт не ограничивался ближайшими местными центрами, как Ильинское, Усолье, Майкор: хлеб и овёс направлялись в отдалённый Кайгород, за 500 вёрст, на вологодскую пристань Усть-Воч, а оттуда — в Архангельск. Коми-пермяцкое население, особенно зайиточные пермяки, принимали участие в покупке скота, брали подряды на перевозку дров и чугуна на заводы. В пермяцких сёлах и деревнях крестьяне покупали привозные товары: обувь, сбрую, галантерею, посуду, ложки, вилки, ножи, табак.

Заводы и промыслы обслуживались мастеровыми и «приписными» крестьянами, большей частью русскими. Заводские посёлки были центрами русского рабочего населения. На приписных, прикрепённых к соляным промыслам, лежала тяжёлая работа по заготовке и доставке топлива. Прикрепённые к заводам выполняли «курённую работу» — заготавливали древесный уголь в «кучах» и доставляли его «коробьями» на заводы. На обязанности некоторых «подзаводских» крестьян лежали также добыча и перевозка руды. Кроме основных повинностей они должны были выполнять мелкие чёрные работы, а также доставлять различное оборудование на промыслы и заводы.

¹ Фонд управления пермского нераздельного имения гр. Строганова в с. Ильинском, № 54, д. № 56. «О бунте пермяков...». 1861—1862 гг. Изложение событий «бунта» сделано по этому источнику.

² 41 тыс. помещичьих крестьян жили сплошной массой в Соликамском и Оханском уездах, населяя, кроме майората Строгановых, соседние сёла: Купрос, Кокшарово, Майкор, Кызвенское. Около 13 тыс. государственных крестьян жило в Чердынском уезде: небольшая группа — около 4600 человек — жила в лесах Вятской губернии. См. Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков. «Журнал министерства внутренних дел», апрель 1858 г., стр. 64—65.

³ После смерти С. Г. Строганова, в 1882 г. пермское имение перешло к его внуку С. А. Строганову, который и владел им до Октябрьской революции.

⁴ Волегов Ф. Хозяйственные записи по пермскому имению Строгановых. «Пермский край». Т. II, стр. 97. 1893. Теллухов А. Краткое описание лесохозяйства в пермском майорате гр. Строгановых. «Пермский сборник». Вып. I-й за 1859 г., стр. 42.

Основная масса вотчинных крестьян платила оброк деньгами и хлебом, от чего освобождались приписные¹. Все пермяки были на оброке.

Количество земли, которой пользовались вотчинные крестьяне, приближалось к установленному впоследствии высшему наделу. Они могли, с разрешения начальства, расчищать новину, пользовались лесом для построек. Однако вотчинным крестьянам жилось не легче, чем приписным: посылка в караван — назначение крестьян для сопровождения судов с продукцией промыслов и заводов к местам сбыта — ложилась на них тяжёлым бременем. Эта натуральная повинность являлась необходимым хозяйственным элементом в системе частной крепостной промышленности. Она занимала несколько тысяч работников по всему именно, отсутствие которых в течение двух — трёх летних месяцев разоряло крестьянство. Плата за караван на руки крестьянам не выдавалась, а зачислялась в оброк. Понятно, почему эта повинность вызывала единодушную ненависть крепостного крестьянства².

Одновременно пермяцкая деревня подвергалась эксплуатации со стороны местного кулачества. Ещё до реформы пермяцкое крестьянство не было однородным: наблюдалось расслоение, свидетельствовавшее о сравнительно интенсивном «подспудном» развитии капиталистических отношений.

Местный этнограф, вышедший из среды строгановских служащих, Н. Рогов сообщает, что богатые хозяева имели многочисленные хозяйственные постройки: 1—2 из-

бы, 3—5 хлевов, 2—3 загона, 2 конюшни, 1—2 овина, погреб, баню, гумно, — держали по 6—9 рабочих лошадей, по 5—7 коров, овец, свиней, коз. Они имели до 30 и более десятин покосу. В их амбарах хранилось по 1000—5000 пудов ржи. Перед их домами лежали громадные запасы дров, вырубленных при расчистке новин в лесу. Пища богатого пермяка описана многими этнографами: здесь и неиссякающая никогда брага, и знаменитые пельмени с мясом, и пироги с рыбой и пр. «Очень зажиточных» хозяйств в конце 50-х годов Рогов насчитывает 6 на 100; 14 из 100 «живут хорошо», 30 — «порядочно», 30 — «бедно» и 20 — «очень бедно»³. Таким образом, половина пермяцких хозяйств — бедняки, зачастую имевшие только по одной лошади и корове; некоторые из них и совсем не имели скота. Бедняки вынуждены были брать взаимы хлеб из общественных магазинов, а иногда и просить милостыню. Обычной пищей бедняка служили редька и пиканы (стебли сочной травы).

Богатые хозяева постоянно использовали наёмный труд. Иногда у них было до восьми работников, главным образом мужчин; во время сенокоса, жатвы, молотбы они дополнительно нанимали подёнщиков. Пермяцкие богачи прибегали также к ростовщичеству: они брали в аренду часть пашни бедняков, платя вперёд хлебом или семенами по высшей весенней продажной цене, или ссужали семена «исполну» с возвратом половины урожая. Уход бедноты на заработки был обычным явлением. Шли в кулацкие хозяйства на летние и зимние «срочные» работы, продолжавшиеся летом от 165 до 210 дней, а зимой — от 145 до 190 дней, и на подёнщину. Зимой шли на ближайшие заводы на рудничную или «куренную работу» по найму, а весной и осенью — на рубку дров для заводов⁴.

Посылка в караван ложилась ежегодно на каждые три хозяйства. Тому, кто уходил, остальные платили по 20 рублей. Понятно, что при таком расслоении деревни раскладка караванной повинности обычно падала на бедноту; зажиточные участвовали в ней лишь материально: снаряжением работников.

Строгановские крепостные пермяки терпели произвол многочисленной помещичьей администрации, усвоившей пренебрежительное отношение к «инородцам».

Строгановские приказчики были в глазах крестьян носителями не только крепостного насилия, но и национального угнетения. Ненависть к управителям сливалась у крестьян-пермяков с ненавистью к помещикам⁵.

³ Рогов Н. Иньвенская дача и хозяйственный быт населяющих её пермяков. «Журнал министерства внутренних дел». Февраль 1855 г., стр. 83; его же, Материалы для описания быта пермяков. «Пермский сборник». Вып. 2-й, стр. 16—17. 1860.

⁴ См. Рогов Н. Указ. соч., стр. 68—70, 44.

⁵ Приказчики Строгановых всячески притесняли крестьян, придирались к ним, обла-

¹ Из 78 064 душ м. п. в 1858 г. было 57 202 вотчинных, 11 364 приписных и 8 198 мастеровых. См. Теплоухов А. Указ. соч., стр. 42.

² По данным Ф. Волегова, относящимся к 1820 г., строгановские крестьяне должны были сопровождать четыре каравана: чугунный караван — из Виллимбаевского завода на Очерский и Добрянский; плата за посылку составляла 8 руб.; железный караван — из Добрянского и Очерского заводов до Лайшева; главного рынка железа, а также до Царицына и Дубовки, до Астрахани, до Нижнего, до Рыбинска; плата до ближайшего пункта — Лайшева — составляла 10 руб., до Астрахани и Рыбинска — 35 рублей. Самый большой соляной караван, требовавший около 2 тыс. человек, отправлялся из Усолья двумя — тремя партиями. На каждой ладье помещалось до 120 работников. У устья Камы, в Богородске, отпускали домой по 24 человека с ладьи, остальные следовали вверх по Волге в Нижний. Плата до устья Камы была 12 руб., до Нижнего — 24—26 рублей. В Нижнем соль сдавали в казённое ведомство. Здесь ладьи и лошади продавались, а люди возвращались домой, получив только деньги на харчи. Сверх всего отправлялся ещё запасный караван до Рыбинска. «Пермский край», Т. II, стр. 107—128.

Отмена крепостного права, проведённая крепостническим правительством в интересах помещиков, развязала накопившиеся противоречия и вызвала бурное выступление иньвенских крестьян. Иньвенцы были возмущены тем, что их надежды обмануты, что земля сохранялась на неопределённый срок за помещиками, а они вынуждены отбывать прежние барщинные и оброчные повинности на положении временнообязанных.

До Иньвы манифест 19 февраля дошёл 16 марта. Его читали народу в Кудымкаре в торжественной обстановке, в присутствии генерал-майора П. Р. Багратиона, флигель-адъютанта, присланного правительством в губернию для проведения чрезвычайных мер в связи с ожидавшимся возмущением крестьян. Волнения начались в двадцатых числах марта в Купросе, где в связи с требованием обязательной явки в соляной караван крестьяне избили приказчика. В селе Архангельском приказчику и члену Иньвенского окружного правления Медведеву пришлось бежать от угрожавшей толпы. Крестьяне прогнали из земской конторы писчика, пытались вытащить из дома мельника, как «заединщика» помещицы, для «штрафования розгами». Молва об этих делах быстро разнеслась по всему округу, дав толчок повсеместному выступлению пермяков.

Зачинщиками выступления явились крестьяне Егвы. Они направляли народ в Кудымкар требовать у начальства разъяснения манифеста, который крестьяне истолковывали как освобождение от всех повинностей помещику. Во главе движения стоял егвинский крестьянин А. В. Кетов, которого начальство считало «главным возмутителем всей Иньвы».

С двадцатых чисел марта по сёлам собирались работники, назначенные к отправке в Усолье в весенний сплавной караван, для проверки и освидетельствования. Крестьяне сговаривались между собой не идти в караван в зачёт повинности, а только на условиях вольного найма — за наличный расчёт, с уплатой вперёд. Тех, кто соглашался на старые условия, разгоняли. Протест против караванной барщины перерастал в более острую форму борьбы против помещичьей собственности. Революционные мысли, об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой

гали штрафами. С крестьян, например, взыскивали оброк за участки, занятые собранным хворостом; им сбывали негодный лесной материал на постройку; отрезали куски крестьянских пашен и покосов в «заказные» участки и требовали особой платы за пользование ими. Приказчики заставляли крестьян сеять для них на крестьянской земле лён и хлеб. Открыто практиковалась продажа крестьян на «голицынский караван», т. е. управлению кн. Голицыных, родственников Строгановых, которые имели долю в Усольских соляных промыслах, и т. д. См. Теплоухов А. Указ. соч., стр. 64; Янович В. Пермяки, стр. 122. 1903.

власти... не могли не бродить в головах крепостных крестьян»¹.

Охватившее крестьян возмущение было направлено прежде всего против помещичьего сельского начальства. Крестьяне захватывали земские конторы, выгоняли приказчиков и писчиков. В селе Юсьве 24 марта они захватили земскую контору; в селе Егве требовали у приказчика Ф. Дружинина сдачи земских дел и выгоняли его из села. 1 апреля егвинцы избили писчика В. Горбунова; в Кудымкаре выгнали из земской конторы старосту и писчика; в селе Огеве грозилось побить писчика; в Верх-Юсьве крестьянин С. Кудымов «с дерзостью усчитывал приказчика и Мирского старосту в уплате им за прошлое время податей». Во многих местах крестьяне сменяли прежних старост и выбирали новых. В Кудымкаре старосту хотели заковать в кандалы; в Верх-Иньве 4 апреля крестьяне отрешили от должности приказчика, мирского старосту, лесного смотрителя и оспопрививателя.

Особо остро проявлялась ненависть крестьян к лесной страже. В Кудымкаре толпа пыталась ворваться в дом окружного лесничего А. Лобова. После этого, боясь расправы, Лобов перестал выполнять служебные обязанности и требовал для себя военной охраны. В Егве толпа напала на квартиру сельского лесного смотрителя Корвинца. Крестьяне запрещали лесным сторожам, служившим по выбору общества, выполнять свои служебные обязанности. Были отмечены также поджоги помещичьего леса. Так, в первых числах апреля около Усть-Мечкорской мельницы был подожжён лес.

Во многих местах крестьяне проявляли недоверие к православному причту. В Верх-Юсьве пона считали «заединщиком» с властями. Попы помогали приказчикам спастись от крестьянского гнева, снабжая их одеждой или подводами. Зашитное духовенство держалось ближе к крестьянам.

Повсюду крестьяне захватывали помещичье имущество — мельницы и общественные магазины, которые считались мирским достоянием. Должность мельника обычно бралась на откуп богачами. Захвачена была Позагортская мельница, и у помольных денег был поставлен караул. Крестьяне реквизировали Косвинскую мельницу, а мельника выгнали, грозя его убить. Егвинцы отрешили от должности веселухинского мельника. В некоторых местах крестьяне делили помещичьи дрова; в Верх-Юсьве 8 апреля крестьяне захватили господский хлебный магазин и стали распоряжаться хлебом; часть хлеба выдали писчикам; в Кудымкаре они собирались запечатать хлебный магазин, проверяли мирскую кассу и требовали у вахтёров ключей от амбаров; в Верх-Иньве 3 апреля они произвели ревизию имевшихся в магазине денег и хлеба. Кроме того, например в Верх-Юсьве, крестьяне за-

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

нимали кабаки, считая их своей собственностью, так как «кабак казённый и мы казённые».

Борьба против помещиков резко подчеркнула классовое размежевание внутри пермяцкой деревни. Крестьяне враждебно зыступали прогиз тех односельчан, которые уговаривали прекратить борьбу и хотели платить оброк. Большой частью это были зажиточные крестьяне, торговцы, выборные лица. Тех, кто предлагал подчиниться властям, во многих местах избивали как «заединщиков» помещицы. Так, в с. Архангельском 23 марта избили и «штрафовали розгами» двух крестьян за то, что они звали в церковь слушать манифест и отговаривали от «буйства»; в Юсьве избили сотника и солдата за «нравоучительные слова» и наказали розгами двух «первостатейных» крестьян Архангельского «за несогласие на их упорство против помещика»; в Верх-Юсьве за несогласие участвовать в «бунте» избили трёх крестьян и торговых людей; в Огеве 3 апреля был избит Николай Гуляев, служивший по выбору, в Кудымкаре, где имелись более или менее крупные лавки, «тащили из лавки торгового Нешатаева, грозились сжечь лавки у торговых».

Все пермяки отказались платить оброк. Тех, кто не хотел отказаться от уплаты оброка, принуждали силой. Велась горячая агитация за неплатёж оброка. Отевский крестьянин Трифон Гилев бранил других: «Вы, дураки, платите подати, мы учим, а вы нас не понимаете, и мы обществом будем за это вас учить. Теперь мы уже до поля выкупились, а суд придет — выкупимся совсем, и тогда мы вас проучим».

Всё это показывает антикрепостнический характер выступления иньвенских крестьян в марте — апреле 1861 года. Лозунгом, объединявшим всех и всем понятным, было «Мы царские». Верх-юсьвинцы заявляли: «Мы вольные, довольно послужили помещику и с сего времени не только 2 года, но даже не хотим быть под властью помещика и двух дней»¹.

В разгар борьбы крестьяне массами стали стекаться в Кудымкар — центр округа — для сведения счётов с иньвенским правлением. 31 марта кудымкарские крестьяне также отказались повиноваться властям. Народ продолжал прибывать из округа, некоторые приезжали по прямому вызову собравшихся в Кудымкар. Движение характеризовалось наличием известной организованности и элементов руководства крестьянской толпой. Крестьяне сговаривались не поддаваться убеждениям начальства, «говорить общим голосом», обсуждали манифест. Чтецы и толкователи из среды крестьян разъясняли, что это не тот манифест, который им читали в сёлах, и что в манифесте говорится о полной независимости крестьян от помещиков. Попытки начальства втолковать крестьянам подлинный

смысл манифеста — сохранение повинностей помещику за пользование поземельным наделом и оставление крестьян в течение двух лет в переходном состоянии, на положении временно-обязанных, — вызывали неистовые крики гнева и протеста крестьян, упорно утверждавших, что они «царские». Строгановские служащие, в том числе прибывшие спасаться в Кудымкар из других ведомств, отсиживались в каменном доме окружного правления. Их охранял усиленный отряд полиции, состоявший из мастеровых Кувинского завода, вызванный окружным управляющим Гилевым «для безопасности». Они сидели в осаде, не смея показаться на улицу, в то время как толпа осыпала их угрозами, обвиняла в краже денег, хлеба, обмане при сборе податей. Переуганые управители, боясь кровавой расправы, засыпали начальство трусливыми мольбами о помощи.

1 апреля, вечером, в Кудымкар приехал из села Ильинского главноуправляющий именем Е. А. Вологов. Он уговаривал крестьян разойтись по деревням. Крестьяне жаловались на обиды и притеснения Гилева, на то, что Гилев запретил писать просьбы и жалобы. Вологов дал крестьянам писаря и велел им писать жалобы в помещению земской конторы, отвлекая таким образом часть толпы от активных действий. Но в это время крестьяне бросились к квартире станového пристава, чтобы освободить арестованного «по подозрению в расстройстве крестьян и составлении ябеднических просьб» юрлинского государственного крестьянина Мелехина, не раз бывшего под судом и наказанного розгами. После допроса земским исправником Мелехин был закован и должен был быть отправлен в Соликамск. Сломав двери квартиры станového, толпа освободила Мелехина.

Это проявление солидарности крестьян в защите своих «заступников» от репрессий начальства также свидетельствует о наличии элементов организованности и руководства в среде воставших. Архип Кетов, впоследствии осуждённый военным судом как главный зачинщик выступления, подозревался также в освобождении из-под стражи крестьян Клямова и Абрамова, арестованных в кудымкарской земской конторе.

События в Кудымкаре укрепили боевые настроения крестьян на местах. После возвращения крестьян из Кудымкара, на местах усердно принялись за изгнание строгановских слуг. Так например в Огеве с 1 по 4 апреля были прогнаны приказчик и писчик, выбраны новый староста и сотские, удалены старые мельники; было запрещено отсылать мельничные доходы; в Верх-Иньве 3—4 апреля происходили ревизии денег и хлеба и смещение властей.

Как одно из проявлений руководства движением интересно отметить тот факт, что крестьяне не только держали в осаде начальство, но и пытались не дать возможности грамотной и хитрой администрации сноситься между собой и сплотить силы против крестьян. Так, ямщика архангельского приказчика 4 апреля «штрафовали

¹ Маханек К. Из истории проведения реформы 1861 г. на Урале. I. Архивное дело о бунте пермяков. «Пермский краеведческий сборник». Вып. 4-й за 1928 г., стр. 182.

розгами» за доставку письма юсьвинскому приказчику. Такой же участи подвергся и ящик кудымкарского приказчика. Кудымкарских ящиков прогнали из земской конторы, запретив давать кому-либо лошадей, верхьюсьвинскому ящику запрещали давать лошадей Вологову при проезде его в Кудымкар.

В ночь на 3 апреля в Кудымкар вновь приехал князь Багратион, вызванный Вологовым. Узнав о событиях, Багратион тотчас же послал нарочного в Пермь к губернатору за военной командой. Утром 3 апреля Багратион, одетый в генеральский мундир, появился в экипаже на площади между церковью и окружным правлением, где его ожидало более 2 тыс. крестьян. Он велел крестьянам разделиться по ведомствам. Крестьяне встали на колени, сняли шапки, готовясь креститься. Князь приказал строго повиноваться воле царя, исправлять повинности владелице имения и в трёхдневный срок послать людей в караван. Он предупредил, что заслушание мирские начальники будут отвечать по всей строгости закона, и уехал. Требование Багратиона крестьяне истолковали в свою пользу. Выступления крестьян продолжались в Егве, Юсьве и других местах. Единственным результатом приказаний Багратиона была посылка некоторыми сёлами людей в караван. Из Верх-Иньвы работники, выбранные обществом, были уже 6 апреля отправлены в Усолье. В Верх-Юсьве в караван были выбраны, как отмечают донесения, «из мест» самые исправные плательщики. Но крестьяне упорно продолжали не платить подати.

5 апреля в Иньвенский округ явилась вызванная Багратионом военная команда в составе 200 рядовых внутренней стражи и 3 офицеров во главе с батальоном командиром, майором Тальбергом. В Верх-Юсьве говорили, что солдаты присланы царём для защиты их от начальства и уничтожения «домовых», т. е. строгановских служащих, так как выяснилось, что начальство подкупало чиновников. Крестьяне живо реагировали на прибытие солдат. В Архангельском часть людей ушла из села якобы для работы на заводах Всеволожских. В Верх-Иньве крестьяне стали покушаться в лавке свинец и дробь, чтобы защищаться от солдат. Перепутанный приказчик доносил, что крестьяне «намерены напасть на Кудымкар, с ружьями, для чего у них со времени вступления солдат в Иньвенский округ запасены порох и дробь».

7 апреля, вечером, в Кудымкаре был созван сход. На глазах у крестьян была проделана церемония вскрытия запечатанного пакета от губернатора на имя кудымкарского общества с «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Зачитав Положение и манифест 19 февраля, начальство задало обществу вопрос: верит ли они теперь манифесту? Крестьянам оставалось ответить утвердительно. Они стали на колени и просили прощения. Их заставили целовать крест в церкви и подписывать в земской конторе приговор с обя-

зательством выполнять повинности. Впрочем, многие кудымкарцы сумели уклониться от подписания приговора. Покорившихся кудымкарцев пермяки из других ведомств осыпали насмешками, называли их изменниками. 8 апреля было арестовано 65 «смутьянов», подбивавших кудымкарцев продолжать сопротивление.

8 апреля последовала кровавая развязка в Егве. Вечером на сходе здесь, так же как в Кудымкаре, были прочитаны Положение и манифест, и начальство увещивало крестьян приступить к выполнению обязательных повинностей. Но толпа, человек в 500, упорно отказывалась и кричала: «Мы царские!», «Не хотим платить подати и оброк! Лучше бросим землю и убежим, но платить больше не будем... Князь нам не то говорил».

Окружённый толпой Тальберг приказал ей разойтись. Толпа не двинулась с места. Раздался барабанный бой, являвшийся предупреждением о начале стрельбы. Крестьяне не поняли этого сигнала. Они напирали всё теснее. Залп вверх, данный небольшой командой, также не испугал крестьян: он вызвал только насмешки и крики. Возбешенный майор приказал стрелять по толпе. Было ранено три человека. Т. И. Петров, 52 лет, и Д. И. Петров, 62 лет, вскоре умерли от ран; третий, Л. В. Вилесов, 23 лет, впоследствии выздоровел.

Расстрел безоружных егвинских крестьян подтвердил «ту истину классовой борьбы, что реформы, проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по своему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»¹.

В ночь на 11 апреля Багратион опять прибыл в Кудымкар, а оттуда отправился в Егву со всем начальством. Выразив сожаление по поводу расстрела егвинцев, князь заявил, что «эта жертва, может быть, спасёт округ от дальнейших волнений». Собранный в Егве сход, помня о пережитой расправе, подчинился увещаниям Багратиона и согласился выполнять повинности. Об этом был составлен приговор, который подписали все грамотные крестьяне. Багратион поспешил закрепить свой успех. Были торопливо составлены подобные приговоры и в остальных сёлах.

Сопротивление пермяков было сломлено².

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 141.

² Пермское губернское начальство сумело замать преступную экзекуцию. Только спустя год в «Колоколе» Герцена появилась разоблачительная заметка местного корреспондента под заглавием «Сечение и убийство крестьян в Пермской губернии» (см. «Колокол», л. 134 от 22 мая 1862 г.). Заметка эта была написана много позже события, не очевидцем и не участником его. В ней перепутаны факты: местом расстрела ошибочно указывается Кудымкар. Однако заметка разоблачала трусливость пермской администрации и подтверждала тот факт, что губернатору Лашкареву действительно удалось скрыть и замазать преступление.

Началась расправа с крестьянами-«бунтовщиками». С одной стороны, старались власти, с другой — сводили счёты строгановские управители. 17 апреля начались многочисленные аресты; в село Ильинское было свезено до 60 «бунтовщиков». В Егве заседал военный суд, назначенный губернатором. В Юсьве действовало временное отделение Соликамского земского суда. 7 июня военный суд приговорил к наказанию 7 человек, 19 человек оставил в подозрении, а 35 были освобождены. Главные организаторы волнения — А. В. Кетов, 49 лет, и У. И. Гусельников, 34 лет, — были приговорены к лишению всех прав состояния, к наказанию на месте преступления шпицрутенами по 400 ударов и к ссылке в каторжные работы на 5 лет. Д. И. Систеров, 45 лет, за участие в волнении и за то, что был выбран егвинским старостой и «распоряжался по сей должности с употреблением печати», был приговорён к такому же наказанию, как Кетов и Гусельников, и к ссылке в каторжные работы на 4 года. Остальные были приговорены к на-

казанию розгами и к тюремному заключению¹.

Отзвуком этих событий был отказ четырёх иньвенских волостей в марте 1862 г. подписать уставную грамоту, которая уточняла их надел и переводила со смешанной повинности на денежный оброк.

Так проводилась реформа в Иньвенском крае. Выступление иньвенских пермяков носило революционный характер, так как было направлено против крепостнического содержания и способа проведения аграрной реформы 1861 года.

В ходе выступления крестьяне проявили элементы организованности. Упорство составших было велико. Руководившие волнением егвинцы отступили только перед вооружённой силой. Всё это ставит выступление иньвенских пермяков в один ряд с крупными крестьянскими революционными волнениями, сопровождавшими проведение реформы 1861 года.

¹ Имена наказанных по суду см. у Маханека, Указ. соч., стр. 184.